

RU

Прагматические параметры коммуникативных неудач в устном судебном переводе с использованием русского и шведского языков

Французова А. Д.

Аннотация. Цель исследования - выявить влияние прагматических факторов лингвосемиотики на возникновение коммуникативных неудач (КН) в устном судебном переводе. В статье рассматривается пример использования техники содержательного рефрейминга отправителем сообщения на русском языке и его перевод на шведский язык. Научная новизна исследования заключается в углубленном анализе прагматического аспекта коммуникативных неудач в переводе устнопорождаемой речи с использованием в качестве контактирующих шведского и русского языков. В результате проведенного исследования установлено, что в прагматическом измерении семиозиса явная КН может возникать в случае, когда выполненный перевод не обнаруживает несоответствий, неточностей или грубых ошибок. Важным для предотвращения КН является своевременное распознавание прагматических интенций отправителя сообщения, классификации используемых им средств выражения и выбор единиц перевода, соответствующих коммуникативно-прагматическим установкам отправителя текста.

EN

Pragmatic Parameters of Communicative Failures in Russian-Swedish Court Interpreting

Frantsuzova A. D.

Abstract. The study aims to determine the influence of pragmatic factors of linguosemiotics on the occurrence of communicative failures (CF) in court interpreting. The paper considers an example of using the content reframing technique by the sender of a message in Russian and its translation into Swedish. Scientific novelty of the study lies in conducting a comprehensive analysis of the pragmatic aspect of communicative failures in the translation of oral speech involving the use of Swedish and Russian as contact languages. As a result of the study, it has been found that in the pragmatic dimension of semiosis, an explicit CF can occur when the completed interpretation does not display inconsistencies, inaccuracies or grave errors. Timely recognition of the sender's pragmatic intentions, classifications of expressive means used by the sender and the choice of translation units corresponding to the communicative and pragmatic attitudes of the sender of a text are important for the prevention of CF.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом к функционированию института судебного перевода в целом и качеству судебного перевода в частности. Исследование коммуникативных неудач в ходе устного судебного перевода является необходимым условием для понимания природы их возникновения и повышения качества выполняемого перевода. Подчеркнем, что фокус многих исследований КН находится в области прагматики речепорождения и зачастую связан с различной степенью осуществления или неосуществления коммуникативно-прагматических намерений говорящих. В данном исследовании сосредоточим свое внимание лишь на одном из типичных для прагматического измерения семиозиса аспекте КН.

Объектом исследования являются коммуникативные неудачи, вызываемые несовпадением коммуникативных установок, интенций коммуникантов. В качестве предмета исследования рассматривается прием содержательного рефрейминга и его влияние на возникновение КН в ходе устного перевода устнопорождаемого судебного дискурса.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1) посредством использования метода контекстуального анализа выявить признаки несовпадения коммуникативных установок говорящих; 2) установить особенности перевода судебного дискурса в прагматической плоскости лингвосомиотики посредством осуществления предпереводческого анализа транскрибированного текста; 3) при использовании метода моделирования процесса перевода выявить механизмы, приводящие к КН, что позволит лучше понять влияние приема содержательного рефрейминга на возникновение КН; 4) провести совокупный анализ выявленных факторов и сделать выводы с помощью метода описания с его основными компонентами (наблюдением, обобщением, сопоставлением, систематизацией и интерпретацией).

Материалом исследования послужил устный двусторонний перевод судебного заседания в Швеции с использованием шведского и русского языков. В качестве языкового материала использованы цифровые аудиозаписи допроса подсудимого в ходе устного слушания по делу о краже в магазине автозапчастей. Материал был получен из судебного архива Стокгольмского окружного суда Швеции в течение 2018 года и транскрибирован автором проведенного исследования.

В исследовании рассмотрены коммуникативные неудачи, возникшие в процессе судебного разбирательства с участием русско-шведского переводчика, выполняющего устный последовательный перевод. Перевод выполнен сертифицированным переводчиком, прошедшим государственную аттестацию в Шведском национальном агентстве юридических, финансовых и административных услуг (*Kammarkollegiet*) и получившим специальную судебную квалификацию.

Аудиозапись судебного заседания была транскрибирована, а затем проанализирована в соответствии с герменевтическим подходом. В парадигме системного подхода транскрипция судебного диалога была выполнена согласно потребностям автора научного исследования. В соответствии с используемой системой в транскрипции фиксируются только речь и паузы. Короткие паузы передаются с помощью знака «/», длинные паузы – с помощью знака «//», «[np]» указывает на одновременную речь двух говорящих, а «[...]» отражает опущение некоторых частей диалога.

Теоретическую базу исследования составляют научные труды по теории коммуникации (Лакофф, 1973; Грайс, 1985; Шпербер, 1988; Минский, 1988; Бендлер 1995, Лазуткина, 1998; Леонтьев, 1999; Гивон, 2005; Ламухина, 2006), изучению коммуникативных неудач (Ермакова, Земская, 1993), судебной речи (Карасик, 2000; Недашковская, 2004; Коултхард, 2007; Канафьева, 2009; Тарасов, 2010; Таирова, 2011) юрислингвистики и судебного дискурса (Павлова, 1991; Шейнов 2000; Гумеров, 2009).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут использоваться в преподавании дисциплин «Теория перевода», «Основы судебного перевода», «Устный последовательный перевод», «Синхронный перевод».

Основная часть

Отправной точкой данного исследования является ставшее классическим определение коммуникативной неудачи как полного или частичного непонимания высказывания партнером коммуникации, т.е. «неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» (Земская, 2004, с. 602). В центре внимания данного исследования находятся «коммуникативные неудачи, порождаемые прагматическими факторами» (Ермакова, Земская, 1993).

Достижение успешной коммуникации занимает важное место в коммуникологии (ср. принцип вежливости Р. Лакоффа (Лакофф, 1973), принцип кооперации Г. Грайса (Грайс 1985), принцип релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсона (Шпербер, Уилсон, 1988)). Полезными для нашего исследования представляются результаты исследований Е. М. Лазуткиной, изучающей признаки правильной настроенности автора сообщения на мир слушающего. Автор исследования выделила обширный круг условий, необходимых для успешного протекания коммуникации. В их число входит умение слушателя проникнуть в коммуникативный замысел отправителя сообщения посредством его «реконструкции», а также «переосмыслени[я] ранее сказанного и понятого» (Лазуткина, 1998, с. 62). Следует согласиться с тем, что реципиент сообщения, действительно, активно вовлекается в процесс интерпретации речевого потока. Е. М. Лазуткина (1998, с. 62) отмечает способность говорящего варьировать способ языкового представления того или иного реального события. Можно сказать, что говорящий выстраивает свою речь с ориентацией на мир знаний адресата, приспосабливая форму подачи информации к возможностям ее интерпретации.

Результаты проведенного анализа научной литературы по исследованию КН позволяют сделать вывод о важности **прагматических компонентов диалогического общения**.

Опираясь на работы отечественных лингвистов, в настоящем исследовании будем рассматривать юридический дискурс как особый вид дискурса, под которым понимается совокупность текстов, объединенных общей тематикой и имеющих единую концептуальную основу – закон, право, правовые отношения (Карасик, 2000). Представляется, что в целях данного исследования «**судебный дискурс**» целесообразно рассматривать в узком смысле слова и трактовать его как **вербальную реализацию юридического дискурса в контексте конкретного судебного заседания**.

Перевод устной речи в суде неразрывно связан с теми предпосылками, которые существуют для ее порождения и функционирования. Остановимся подробнее на институциональных характеристиках судебной речи.

Профессор юрислингвистики Малькольм Култхард (Coulthard, 2007, с. 14-16) выделяет несколько значимых для процесса перевода устнопорождаемой речи особенностей судебного дискурса. Особую значимость для данного исследования представляют характеристики, выражающие **статусно неравноправные роли и асимметричные правила поведения** для участников судебного слушания:

- 1) управление дискурсом и коммуникативными целями в руках представителя института правосудия;
- 2) доминантная позиция представителей института правосудия в отношении лексических средств выражения.

Придерживаясь этих положений, подчеркнем, что статусная неравноправность заранее определена нормами института правосудия. Как известно, выступления в суде строго регламентированы. Заметим, что наблюдаемый в устнопорождаемой речи критерий «непринужденности» устного диалога (Мошанская, Поликарпов, 2017) не применим к устной коммуникации в ходе судебного процесса. Таким образом, функциональная направленность устного диалога диктует отбор разных языковых средств (Ламухина, 2006). В то же время, отсутствие «непринужденности» в диалогической речи официального стиля нельзя приравнивать к отсутствию «спонтанности». Для устного судебного дискурса также свойственна «экспромтность», но обусловлена она не формальным статусом партнеров по коммуникации, а отсутствием времени на продумывание и планирование речи.

Существенно, что асимметричные отношения между говорящими поддерживаются также за счет **принадлежности коммуникантов к разным дискурсивным группам**: профессионалам-юристам или непрофессионалам («субъект-юрист» или «субъект-неюрист»). В отличие от обывателей, опытные работники прокуратуры, следственного комитета и адвокаты хорошо представляют себе, «что можно и чего нельзя в юридическом тексте: как строить предложения, какие слова следует употреблять, а какие неуместны» (Гумеров, 2009, с. 31). По данным эмпирического анализа лингвистического материала, этот выбор является чаще всего интуитивным (Гумеров, 2009, с. 31), а значит, этот навык обусловлен тем багажом юрислингвистических знаний, который субъект-юрист приобретает благодаря специальному профессиональному образованию, а также в ходе своей профессиональной деятельности.

Кроме того, контроль коммуникативных целей со стороны представителей института права происходит благодаря их знаниям о сужении значения общеупотребительных слов или фраз в контексте судебного дискурса. Искажение значений юридических терминов посредством «народной этимологии» ведет к тому, что субъект-неюрист не может адекватно оперировать этими понятиями, а юристы-профессионалы приобретают тем самым тактические преимущества в возможности манипулировать ходом судебной коммуникации.

Одним из важных принципов уголовного судопроизводства как в России, так и в Швеции является **принцип состязательности сторон**, первостепенным свойством которого является «спор сторон в судебном заседании» (Тарасов, 2010, с. 291). Понятие «спор» включает в себя «словесное состязание, борьбу мнений, полемику, наличие разногласий» (Павлова, 1991, с. 5), а в рамках судебного слушания рассматривается как «форма отстаивания каждой стороной спора (сторона обвинения и защиты) своей позиции» (Тарасов, 2010, с. 291).

Для того чтобы понять условия формирования судебной речи, обратимся к свойствам судебного спора в уголовном процессе, выделенным И. С. Тарасовым.

Во-первых, успешность спора зависит от четко сформулированного предмета спора. Во-вторых, судебному спору свойственна очность (непосредственность), в основе которой лежит «человеческий (личный) фактор: стороны сходятся в процессе лицом к лицу, а не присылают вместо себя письменные документы» (Тарасов 2010, с. 292). Иначе говоря, неотъемлемым элементом судебного спора является **встреча лицом к лицу с миром собеседника**. В-третьих, важным свойством судебного спора является его устный характер (Тарасов, 2010, с. 292). Он предполагает, что общение происходит между конкретными лицами, а рамки зала судебного заседания устанавливают **ограничения во времени и пространстве**. Речь участников заседания, в свою очередь, должна быть адаптирована к установленным ограничениям. Четвертым важным свойством судебного спора является гласность (Тарасов, 2010, с. 292). Это предполагает, что «любой совершеннолетний гражданин, а также представители государственных и негосударственных средств массовой информации имеют возможность присутствовать в зале суда, наблюдать и фиксировать всё происходящее в нём, сообщать о процессе неограниченно широкому кругу лиц» (Безлепкина, 2006). Таким образом, спор идёт при слушателях, которые своим присутствием воздействуют на спорящих, и участник судебного слушания встречается не только с миром процессуального противника, но и с мирами аудитории. По мнению Л. Г. Павловой, «участники спора при слушателях обязательно учитывают присутствующих, их реакцию, тщательно отбирают необходимые аргументы, чаще проявляют упорство во мнениях, порою излишнюю горячность» (Павлова, 1991, с. 9).

Отсюда следует вывод, что **важным компонентом судебной речи**, если опираться на ее инструментальность в процессе состязательности сторон, устность, ограниченность во времени и неравноправность участников в управлении дискурсом, является ее **ориентированность и направленное воздействие на слушателя**.

Вышеизложенное подчеркивает необходимость подробного рассмотрения вопроса о влиянии прагматического измерения лингвосемиотики на возникновение КН в контексте устного перевода речи в суде.

Обратим внимание на то, что «судебная логика при том, что она рациональна, еще эмоциональна, экспрессивна и 'пристрастна'» (Канафьева, 2009, с. 32). Отсюда вытекает, что процесс информирования в суде неизбежно становится **процессом «информативного воздействия»** (Недашкова, 2004, с. 159). В силу своей специфичности жанр судебной речи имеет четырех адресатов, что предопределяет особый характер информативного воздействия в отношении каждого из них: «состав суда, процессуальный противник, подсудимый и граждане, присутствующие в зале» (Недашкова, 2004, с.159).

Воздействие на сознание реципиента в устном судебном дискурсе возможно оказывать посредством применения широкого ряда речевых тактик.

Убеждение является **формой прямого, открытого воздействия на слушателя**, т.к. оно «соотносится с прямым кодированием:

- цель сообщения указывается напрямую;
- сообщение формулируется предельно четко и допускает лишь одно толкование;
- языковые единицы точно реферируют к речевой ситуации...» (Недашковская, 2004, с.162).

Среди тактик «убеждения» обычно выделяются четыре ее основных вида: информирование, разъяснение, доказательство и опровержение (Шейнов, 2000, с. 97). При убеждении «мы не сообщаем реципиенту ничего, чего бы он уже не знал, но то, что он знает, представляем для него в ином свете» (Леонтьев, 1999, с. 275). Другими словами, новизна информации для разных адресатов заключается в той оценке дела, которую представляет их вниманию говорящий, то есть «в интерпретации уже известных фактов с точки зрения позиции, занимаемой оратором» (Недашковская, 2004, с. 159).

При этом существует **ряд тактик, имеющих скрытый характер воздействия**. К таковым относятся различные виды манипуляции, в том числе суггестия, которая «предполагает косвенное кодирование сообщения... т.е. автор использует в речи конструкции, которые позволяют ему передать свои мысли не в прямой, а в завуалированной форме» (Недашковская, 2004, с. 162), и рефрейминг.

Манипулирование представляет собой «вид скрытого воздействия на адресата, специфический способ управления им, характеризующийся неблагоприятностью действий и намерений манипулятора (инициатора влияния), противоречащих воле адресата и приносящих ему вред (ущерб)» (Таирова, 2011, с. 9).

Термин **рефрейминг** означает **помещение какого-либо образа или переживания в новый фрейм**. Под фреймами, вслед за М. Минским (1988), будем понимать ментальные структуры, определяющие наше мировоззрение, наши мысли и действия. Рефрейминг дает нам возможность по-иному трактовать те или иные события и является, по мнению Т. Гивон (Givon, 2005), частным проявлением общей способности сознания человека устанавливать причинно-следственные связи между различными ситуациями.

Думается, что большой **интерес для научного изучения** в преломлении к устному судебному переводу представляет **использование скрытых тактик воздействия на слушающего**.

Рассмотрим влияние **техники скрытого воздействия на слушателя** в устном судебном дискурсе и ее передачу в переводе на конкретном языковом и транслатологическом материале. Исследование представлено в виде **кейс-стади**, то есть сфокусировано на анализе конкретной КН в ситуации устного судебного перевода, возникшей в контексте применения речевой техники рефрейминга. Рефрейминг буквально означает:

- «вставить в новую рамку (ту же картину),
- вставить в ту же рамку новую картину,
- заново приспособить,
- по-новому формулировать» (Бендлер, 1995, с. 3).

Другими словами, рефрейминг – это некая «подмена понятий» с целью представить свою версию, свою интерпретацию рассматриваемых в ходе судебного процесса событий.

В литературе по нейролингвистическому программированию традиционно выделяют два вида рефрейминга: содержательный (или смысловой) и контекстный (Бендлер, 1995, с. 4). В фокусе нашего исследования находится **содержательный рефрейминг**, который «позволяет сменить картину, не меняя ее ‘рамки’, в отличие от контекстного рефрейминга, который нацелен на подмену контекста, иными словами, на «замену рамки, не меняя ‘картины’» (Бендлер, 1995, с. 4).

Обратимся к технике содержательного рефрейминга на примере трехчастного транскрипта фрагмента судебного слушания дела о краже в магазине автозапчастей (см. Табл. 1).

Таблица 1

1	Прокурор:	och så stannar ni här / för att // att gå på toaletten / och se om det fanns några verktyg som du behövde / är det korrekt ?
2	Переводчик:	вы остановились именно там / чтобы зайти в туалет и одновременно посмотреть может инструменты / которые вам необходимы здесь есть / [правильно]?
3	Подсудимый А:	[В.] / получилось шо // ээ // сказал шо вот здесь / он именно забил в навигации / тот / магазин // и сказал что там есть инструмент / который / нам на- / нужен был // [не нам]
4	Переводчик:	[aah]
5	Подсудимый А:	он там нужен был / для автомобиля
6	Переводчик:	det var V. / som programmerade / i sin GPS/ just den här butiken / han sa att där kan man köpa / verktyg som vi behöver / ah / till vår bil
7	Прокурор:	ok // men både du och V. behövde verktygen ?
8	Переводчик:	то есть / и вам нужны были инструменты / и В. правильно?
9	Подсудимый А:	не / ну я просто хотел посмотреть так как у меня до-/ ээ / денег не было в основном / то // В- / ну тут получается / у Ви- у В. все деньги были / мне особо ниче не надо было такого шо
10	Переводчик:	nej inte jag / jag skulle bara titta / jag hade inte / några pengar medmig / V. hade ju alla pengar / och jag behövde inget särskilt
11	Прокурор:	mm ok
	[...]	

12	Прокурор:	du gick runt med sån här / nykel under en längre tid / var det <i>inte du som skulle ha</i> den ?
13	Переводчик:	а вы с таким ключом ходили / долго / <i>это не для себя / не для вас?</i>
14	Подсудимый А:	а / этот ключ // нужен был <i>для автомобиля</i> / потому я его держал в руках // для / В. говорит держи его / шоб мы его / ну / нигде не забыли
15	Переводчик:	ah / den här nykeln <i>behövdes till bilen</i> / och det är därför / det är därför som jag hade den i handen V. sa till mig / se till att // vi inte glömmer den / någonstans
	[...]	
16	Прокурор:	eeh / är det korrekt / att <i>du behövde en skiftnyckel</i> ?
17	Переводчик:	<i>вам нужен был</i> разводной ключ? правильно?
18	Подсудимый А:	<i>не ну / нам нужен был</i> / ээ / так-э / вот такого плана большой ключ / но шоб / чтобы он / ээ / согинался в // в одном / ну / в несколько положений / там / есть там <i>специальный ключ такой</i>
19	Переводчик:	<i>nej vi behövde en nyckel</i> / liknande eeh / den här stora nyckel fast / eeh // en sån som / lite speciell att man kan / böja / till olika // positioner
20	Прокурор:	<i>ni behövde</i> det / är det / riktigt ? (синтагматическое ударение на слове “ni”. – А. Ф.)
21	Переводчик:	<i>вам нужен</i> был? (синтагматическое ударение на слове «вам». – А. Ф.)
22	Подсудимый А:	<i>в машину</i> нужен был / <i>для машины</i> нужен был
23	Переводчик:	<i>till bilen</i> / rätt att säga

Отметим, что типичным для перевода устного судебного дискурса является отсутствие у переводчика предварительного доступа к полному тексту, поскольку порождение текста происходит спонтанно, вживую. Следовательно, у переводчика из кейс-стади не было возможности провести полноценный анализ текста на стадии планирования и порождения перевода. В то же время он принимает во внимание институциональные характеристики судебной речи, изложенные выше.

В представленном выше судебном диалоге, включающем перевод, наглядно отражены неравные возможности участников управлять коммуникацией. Предмет сообщений в диалоге (разводной ключ, вынесенный из магазина) и границы реплик четко определяются прокурором, он управляет диалогом посредством вопросов, задаваемых подсудимому А. Заметим, что план содержания в вопросах прокурора не меняется, а план выражения, напротив, изменяется необходимое количество раз (см. реплики 1, 7, 12, 16, 20) с целью получения такого ответа, который будет поддерживать намеченную линию аргументации.

Чтобы обеспечить успешность собственной ораторской позиции, прокурор как представитель института права контролирует коммуникативные цели. Он выстраивает свою речь «с ориентацией на мир знаний адресата» и задает вопросы, не объясняя, почему с юридической точки зрения важно установить, кому именно был необходим ключ. Процессуальная роль подсудимого также не предоставляет возможности задать встречный вопрос прокурору, в отличие, например, от ситуации бытового общения. Таким образом, «непринужденность» устного диалога исчезает.

Представленный фрагмент судебной коммуникации, включающей перевод, иллюстрирует способность подсудимого А. варьировать способ языкового представления реального события (см реплики 5, 9, 14, 18, 22). Ограниченный во времени и пространстве, подсудимый А. учитывает реакцию прокурора на свои реплики и проявляет упорство в убеждении его в том, что ключ был «нужен автомобилю». «Экспромтность» речи также является результатом позиции «защиты» в диалоге в том смысле, что реплики подсудимого всегда являются ответными репликам прокурора.

Скрытость воздействия выражается в том, что подсудимый А. не отрицает коммуникативные интенции прокурора. Подсудимый пытается управлять восприятием реальности адресата, создавая впечатление сотрудничества. Одновременно с этим он старается изменить план содержания речи, не меняя плана выражения. Такое речевое поведение, направленное на подмену содержания, осуществляется подсудимым осознанно и направлено на нанесение вреда линии аргументации прокурора.

В данном судебном диалоге КН возникает между прокурором и подсудимым, преследующими разные коммуникативные цели. Намерение прокурора состоит в том, чтобы установить, у кого из двоих подсудимых была необходимость в приобретении разводного ключа, который впоследствии был вынесен из магазина без оплаты. Таким образом, прокурор преследует цель выявления потенциального исполнителя преступления.

Интенция подсудимого А. состоит в том, чтобы отвести подозрение от себя и своего напарника при вскрытии инкриминирующих обстоятельств. Речевой инструментарий подсудимого А. для достижения этой коммуникативной цели определяется приемом смены фокуса – рефреймингом.

С помощью осознанного отбора информации и ее последовательного повторения на разных этапах своего допроса подсудимый А. включает в речь «автомобиль» в качестве субъекта действия, т.е. в качестве «пользователя» ключом:

- «там есть инструмент / который / нам на- / нужен был // [не нам] / он там нужен был / для автомобиля» (3 и 5),
- «ключ [...] в машину нужен был / для машины» (22).

Ассоциируя разводной ключ с автомобилем и отрицая собственную заинтересованность, подсудимый убирает себя и напарника из логической связки с украденным ключом:

- «не / ну я просто хотел посмотреть» (9),
- «мне особо ниче не надо было такого шо» (9).

Контекст (кража ключа) в воображении слушателя остается неизменным, но подсудимый А. как бы «вытесняет» себя и подсудимого В. из предложенной прокурором «картинки». Напомним, что реципиентами речи подсудимого являются не только прокурор, но и судья, присяжные заседатели, а также аудитория, присутствующая на заседании.

Вследствие такой подмены содержания, значение поведения подсудимого меняется. Без необходимости использовать ключ у подсудимых А. и В. не было оснований выносить его из магазина, а значит, поведение подсудимого в магазине не является подозрительным. Доводы прокурора предстают в таком случае в качестве несостоятельных.

Подчеркнем, что при инициальном переводе реплик подсудимого А. (3 и 5) переводчик не улавливает тонкой грани между субъектами действий, которую подсудимый хочет представить суду. Восприятие «автомобиля» в качестве самостоятельного субъекта действий не соответствует юридическому контексту, поэтому переводчик сначала не распознает прием рефрейминга и как бы «корректирует» эту неточность. Таким образом, в переводе на шведский язык (6) «**он там нужен был для автомобиля**» уклоняющийся ответ подсудимого получает конкретизацию “**som vi behöver / ah / till våran bil**” – «**нам необходим был для автомобиля**».

Обратим внимание на то, что подсудимый часто избегает прямого ответа на вопрос, реализуя уклончивость посредством реплик:

- «получилось шо // <...>» (3),
- «не / ну я просто хотел посмотреть» (9),
- «мне особо ниче не надо было такого шо» (9),
- «не ну / нам нужен был / ээ / так-э / <...> есть там специальный ключ такой» (18).

В первом фрагменте при переводе реплики подсудимого (9) на шведский язык (10) переводчик эксплицитно выражает подразумевавшееся «отрицание»: “nej **inte jag**” – «нет, **не мне**», руководствуясь полученным впечатлением об интенции отправителя сообщения. Однако в ходе диалога подсудимый А. использует фразу «не / ну» в качестве хезитации, чтобы за это время сориентироваться в разговоре, понять интенцию прокурора и просчитать, как он может ее опровергнуть. Фраза «не / ну» не является эксплицитным опровержением, она не приравнивается к отрицательному ответу «нет». Строго говоря, передача содержания ИТ в реплике переводчика (10) является отступлением от нормы перевода, поскольку происходит «выведение» вербально невыраженного на ИЯ смысла на ПЯ. Далее подсудимый смещает фокус внимания посредством указания на «автомобиль» в качестве семантического субъекта действия, перемещая его на первый план:

- «а / этот ключ // нужен был **для автомобиля**» (14),
- «в машину нужен был / **для машины нужен был**» (22).

В последней реплике подсудимого (23) переводчик делает стилистическое добавление *rätt att säga* («точнее говоря») в целях **подчеркивания контраста смыслов**, заложенных в одну и ту же предметную ситуацию процессуальными противниками. Это противопоставление, созданное подсудимым, носит постоянный характер. Таким образом, КН в представленных фрагментах судебного диалога возникает потому, что **в юридической действительности такая подмена содержания не является допустимой**, поскольку автомобиль не обладает правосубъектностью и не может нести ответственность за совершение кражи. В итоге реализация интенции прокурора претерпевает неудачу.

Почему это смена содержания, а не смена рамки? Потому что подсудимый не отрицает факт того, что взять ключ без оплаты – это кража. Напротив, усилия подсудимого А. сосредоточены не на опровержение факта совершения преступления как такового, а на том, чтобы вывести себя из круга подозреваемых и акцентировать внимание на автомобиле. Для обвинительного заключения в шведском уголовном праве важно не только установление фактических событий («ключ был вынесен без оплаты»), но и доказательство личного умысла преступника. Поэтому выведение себя из круга субъектов, имевших умысел преступления, – это успешная тактика защиты своих интересов.

Заключение

Исследование показало, что сложность при переводе судебного дискурса в прагматическом измерении семиозиса для переводчика заключается в **своевременном распознавании коммуникативных интенций говорящих**. Приведенный фрагмент судебного дискурса иллюстрирует, что переводчик не сразу идентифицировал использование неполных предложений, типичное для устного дискурса, в качестве тактики намеренного уклонения от ответа на вопрос прокурора. По той же причине в переводе ответ подсудимого синтаксически дополняется переводчиком (6, 10) в соответствии с коммуникативной установкой, заданной в реплике прокурора. Только спустя некоторое время переводчик осознает, что подсудимый осмысленно, но не явно, меняет задаваемую прокурором «картину событий», вытесняя себя из круга подозреваемых посредством указания на автомобиль как на альтернативный юридический субъект действий. Таким образом, в начале диалога переводчик допускает неточности в переводе относительно коммуникативной интенции подсудимого, т.к. она является скрытой, а не явной.

Особенную бдительность переводчик должен проявлять в отношении эксплицитного перевода плана содержания. Регламент судебного перевода устанавливается «Указом о правилах работы аттестованных

переводчиков» (Förordning (1985:613)) и «Кодексом этики аттестованного устного переводчика» (Kammarkollegiets tolkföreskrifter (KAMFS 2021:2), God tolksed)) и запрещает изменение элементов оригинального сообщения или добавление новых при его переводе на ПЯ.

Отсюда следует вывод, что использование языкового манипулирования требует от переводчика особой ловкости в области распознавания коммуникативно-прагматических интенций отправителя сообщения, классификации используемых им средств выражения и выбора соответствующих единиц на ПЯ. Аналогичным образом внимание переводчика должно обращаться на идентификацию тех элементов плана содержания и плана выражения, которые автор сообщения сознательно избегает в целях воплощения собственных коммуникативно-прагматических установок.

На примере приведенного фрагмента реального устного судебного дискурса показана явная КН. Тип «явная КН» по шкале «явности/скрытости» можно ей присвоить на основе того, что здесь налицо несоответствие между планом содержания вопросов на ИП и планом содержания ответов на ПЯ. Поскольку ответ на вопрос «кому был нужен разводной ключ?» имеет существенное значение для рассмотрения дела, прокурор снова и снова возвращается к этому вопросу, представляя его подсудимому в разных формах. Это происходит потому, что коммуникативная установка прокурора не удовлетворяется теми ответами, которые он получает от подсудимого.

В заключение сделаем вывод о соотношении между «ошибкой» в переводе и возникновением КН. Опираясь на реальные транслятологические данные, можно констатировать, что в прагматическом измерении семиозиса явная КН может возникать даже в том случае, когда выполненный перевод не обнаруживает несоответствий, неточностей или грубых ошибок.

Источники | References

1. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России: учеб. пособие. Изд-е 3-е. М.: КНОРУСС, 2006.
2. Бендлер Р., Гриндер Д. Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевой стратегии. Воронеж, 1995.
3. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: сборник / пер. с разн. яз. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика.
4. Гумеров Т. А. Проблемы составления обвинительного заключения: юридико-языковой аспект // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 2 (5).
5. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: прагматический аспект. М., 1993.
6. Земская Е. А. Язык как деятельность // Языки славянской культуры. М., 2004.
7. Канафьева А. В. Прагматика риторического высказывания в судебной речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2009. № 1.
8. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000.
9. Лазуткина Е. М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы // Культура русской речи: учебник для вузов. М., 1998.
10. Ламухина О. М. Каузальные отношения в типологии диалогов: на материале английского языка: дисс. ... к. филол. н. Армавир, 2006.
11. Леонтьев А. А. Психология общения. Изд-е 3-е. М.: Смысл, 1999.
12. Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка.
13. Мощанская Е. Ю., Поликарпов А. М. Устнопорождаемая речь в ситуации устного перевода: дидактический аспект // Педагогическое образование в России. 2017. № 5.
14. Недашковская С. И. Оценочное воздействие в судебной речи // Юрислингвистика. 2004. № 5.
15. Павлова Л. Г. Спор, дискуссия, полемика: книга для учащихся старших классов средней школы. М.: Просвещение, 1991.
16. Таирова М. Р. Семантико-синтаксические особенности оценки как манипулятивного средства (на материале современного английского языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. Ростов-на Дону, 2011.
17. Тарасов И. С. Принцип состязательности: понятие и свойства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». 2010. № 2 (1).
18. Шейнов В. П. Риторика. Мн.: Амалфея, 2000.
19. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка.
20. Coulthard M., Johnson A. An introduction to forensic linguistics: language in evidence. Routledge, 2007.
21. Förordning (1985:613) om auktorisation av tolkar och översättare / t.o.m. SFS 2016:180 (Постановление правительства Швеции о порядке аттестации устных и письменных переводчиков). 2021. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forordning-1985613-om-auktorisering-av-tolkar_sfs-1985-613
22. Givon T. Context as other minds: the pragmatics of sociality. Cognition and communication. N. Y.: John Benjamins Publishing Company, 2005.

23. Kammarkollegiets tolkföreskrifter KAMFS 2021:2 (Положение Камер-Коллегии «О статусе устного переводчика»). 2021. URL: <https://www.kammarkollegiet.se/download/18.4de1ffc117a75de811d7afd2/1627378247832/Foreskrifter-kammarkollegiets-tolkforeskrifter-kamfs-2021-2.pdf>
24. Lakoff R. The Logic of Politeness, or Minding Your P's and Q's // Chicago Linguistics Society. 1973. № 9.

Информация об авторах | Author information

RU**Французова Алина Дмитриевна¹**¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск**EN****Frantsuzova Alina Dmitrievna¹**¹ Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk¹ info@alinafrants.se

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): прагматика; устный перевод; судебный дискурс; коммуникативная неудача; содержательный рефрейминг; pragmatics; interpreting; judicial discourse; communicative failure; content reframing.